

Украина и происхождение индоевропейцев

[Лев Клейн](#)

Рецензия проф. Л.С.Клейна на статьи из журнала «Происхождение языка и культуры: древняя история человечества».

После долгого перерыва с 2017 года в Киеве стал снова выходить в электронной версии журнал «Происхождение языка и культуры: древняя история человечества» (<http://publishing.socionic.info/index.php/language>). Ответственным редактором журнала является проф. Александр Валентинович Букалов, активный участник обсуждений на нашем сайте. Работал в редакции и один из наших авторов Сергей Викторович Конча, умерший в 2016 году. Сейчас появился первый номер четвертого тома. В этом номере журнала – четыре статьи, все интересные для нашего сайта.

1. Проф. Л. Л. Зализняк. Балтийский мезолитический субстрат первых индоевропейцев Европы.
2. Проф. А. В. Букалов и д-р Ольга Богдановна Карпенко. «Термин и топоним «майдан» (maidan) в свете миграций индоевропейских народов».
3. Проф. А. В. Букалов. О возможной прародине шумеров.
4. В. А. Тумольская (компьютерный инженер и психолог, магистр соционики). Лингвистический анализ в определении интегральных типов. Часть II.

Из этих статей я могу отозваться о двух первых, третья еще недоступна для читателей электронного ресурса, а четвертая – вовсе вне моей компетенции.

Первая статья (Леонида Львовича Зализняка) в значительной части пересказана в статье этого же автора на нашем сайте «Происхождение индоевропейцев и их расселение в свете археологических данных», в главе «От Рейна до Донца» (2016 год). Так что можно не излагать здесь подробно ее содержание. Зализняк прослеживает продвижение мезолитического населения Южной Прибалтики (маглемозе и пост-маглемозе) на восток и юго-восток и образование некоего единства, родства последующих культур, с каковым единством и связывает сложение пространной индоевропейской языковой общности. Я с интересом отношусь к концепции Л.Л.Зализняка и использую ее в своих работах, в значительной мере опираюсь на нее. Но в обсуждении мелькали чисто археологические возражения молодых авторов, хотелось бы получить разбор этих возражений – так сказать, ответ создателя концепции.

Меня также смущают некоторые места в замечательном построении Зализняка, но главным образом терминологические. В частности, насколько я мог понять, он называет «провинциями» сами *факты продвижения* древнего населения на обширные территории, тогда как такого наименования могут заслуживать только *результаты* такого продвижения – образовавшиеся общности. Более подходящим термином служит порой употребляемое автором обозначение «миграционный коридор».

Только недоразумением я могу объяснить то, что Леонид Львович систематически называет культуру маглемозе (и местонахождение Маглемозе) словом «маглемезе» или «маглемэзе» (и соответственно пост-маглемозе – «пост-маглемезе»). Памятник называется Maglemose и ни на каком языке **о** здесь не читается как **ё** и не превращается в **ё**. Тут какой-то фонетический сбой. В легенде к рис.2 буквальная транслитерация «Трзебча» должна по правилам польского языка читаться «Тшебча», в легенде к рис. 9 «Грзибова гура» на деле – «Гжибова гура». Особенно конфузно получилось с немецким памятником Дувензее (Duvensee). Там болотистое озеро, которое называется по голубю «Голубиное озеро» или в переносном смысле «Глухое озеро» (нем. Taube «голубь» звучит на местном диалекте как duve, дуфе). Памятник и культуру, названную по нему, Д. Я. Телегин почему-то прочел как Дювензе, а Л. Л. Зализняк прочел конец этого слова как с английского – получилось Дювенси. И везде называет эту культуру дювенси. Нужно вернуть ей исконное название — дувензе. Я уж не говорю о тшинецкой культуре, которую везде у нас так называют, хотя правильнее было бы транслитерировать ее с польского как тштинецкую.

Подтверждение движений населения антропологическими данными для всех миграций очень желательно, у меня тоже складывалось впечатление, что оно есть, но вот у Зализняка современные антропологические исследования практически не приводятся, и вообще антропологическое подтверждение не очень вытанцовывается. А ныне его всё больше теснят исследования генетиков, правда, они, как мне кажется, пока делают очень неполные и противоречивые выводы.

Далее, в тексте можно прочитать, что праиндоевропейцы располагались в Южной Прибалтике и вообще на севере Центральной Европы (Дания, Северная Германия и Польша), а на первой же карте индоевропейцы распространяются из Среднего Подунавья, тогда как некоторые индоевропейские народы (индо-иранцы и хетто-лувийцы), наоборот, вторгаются туда из украинских степей, что связывается с ямной культурой и ее производными в степях. Это объясняется мезо- и неолитической подготовкой – проникновением балтийского мезолитического населения в украинские степи.

Но в таком случае речь не может идти об обширном центре праиндоевропейского этногенеза – от Рейна до Донца или даже Волги. На Украине мог в таком случае располагаться только индоиранский центр этногенеза, что издавна предполагали советские ученые (в частности М. М. Дьяконов), да еще хеттолувийский очаг, который многими лингвистами (начиная со Стёртеванта) вообще выводится из индоевропейской общности в родственную, но отдельную общность. Праиндоевропейцы же оказываются всё-таки сосредоточенными на севере Центральной Европы в мезолите и раннем неолите, а в украинских степях приходится констатировать только их более позднее специализированное ответвление, из которого развились индоиранцы. Здесь возрождается мнение В. А. Сафронова о западном происхождении ямной культуры, встретившее неприятие большинства археологов. Его нужно доказывать заново на современных материалах.

Что же касается хетто-лувийцев, то мне представляется более реалистичной их привязка к баденской культуре, что я специально мотивировал (Клейн 2016).

Перейдем ко второй статье (Букалова и Карпенко, о термине «майдан»). Термин этот, означающий в разных языках «площадь», «базар», «городище», «курган», «тюрьму», «сборище» и т. д., считается заимствованным в украинский и другие славянские языки из иранских языков: в персидском «площадь» – *miyān*, в авестийском — *maiudā-na*, в таджикском – *maidon* и т. д. Из иранских заимствовано в тюркские, арабский, европейские.

Букалов и Карпенко считают, что это неверно. По их мнению, слово это происходит из языка древнего населения Украины, откуда и проникло во все языки. Они хотят доказать это особенно густым распространением топонимов и гидронимов с этой основой на территории Украины и смежных областей России, со связью этого термина с археологическими памятниками в виде ритуального майдана на этих землях (более двух тысяч). Работа их снабжена большим количеством карт, которые должны подтвердить их точку зрения.

Однако детальное рассмотрение их карт и таблиц заставляет меня усомниться в их выводах. По их же спискам (табл. I) распределение топонимов и гидронимов таково: в Боснии и Герцеговине оронимов 20, а всего на Балканах 37, в Турции 14, на Украине 13, в России 7. Распределение ойконимов: в Польше 100, на Украине 71, в Турции 59, в России 55, Босния и Герцеговина 16, всего по Балканам 37. Первенство Украины выступает только по одному показателю – по археологическим памятникам, называемым «майданами» – их на Украине более 1500, в остальных местах – единицы. Но это современное название этих археологических памятников у нынешнего славянского населения. Нет никакого доказательства, что они так назывались и в древности, когда на месте нынешних городищ были поселки, а на месте курганов совершались погребения. Кстати, это известный феномен, когда население приписывает древние памятники (особенно чуждого облика) соседним или даже дальним народам и именует их иноязычными терминами (термины «курган» и «могила» тоже не исконно русские и не исконно украинские).

На общей карте распространения топонима «майдан» (рис. 3) густота распространения в Польше, на западе Балканского полуострова, в Сирии и Пакистане никак не меньше, чем на Украине. На карте оронимов и гидронимов «майдан» (рис. 4), а также на карте только гидронимов (рис. 5) Украина задета очень слабо, а густо покрыты как-раз Западные Балканы и Ближний Восток вплоть до Пакистана. Между тем, именно природные объекты несут наиболее древние наименования.

Букалов и Карпенко сопоставляют распределение наименований «майдан» на карте с древом распространения гаплогруппы R1a1. На их картах (рис. 13 и 14) эти факторы совпадают. При этом на рис. 13 гаплогруппа R1a1 распространяется только из Украины в Европу и Индию (взята начиная с рубежа неолита и бронзового века, вся ранняя часть древа отсечена), а на рис. 14 так же смоделировано распространение топонимов и т. п. («по методу топонимических траекторий»). Происхождение термина оказывается не иранским, а индо-иранским, а исходный центр распространения – на Украине. Считать это доказанным, на мой взгляд, никак нельзя.

Однако работа проделана большая, и она может быть использована в исследовании истории слов и этнических связей.

О третьей статье номера, рассматривающей происхождение шумеров, можно пока судить только по англоязычной аннотации. В статье рассмотрены свыше 200 топонимов Евразии в сопоставлении со словами шумерского словаря, которые по мысли автора могут ставить вопрос о северном происхождении какой-то части шумерских предков. Это поддерживается анализом

шумерского календаря и астрономических сведений, который позволяет говорить об их происхождении с северных широт – примерно на широте Северного Причерноморья. Используются также предположения ряда лингвистов о связях шумерского языка с уральскими и алтайскими языками, хотя они и различны по структуре: уральские и алтайские – с номинативной системой, а шумерский – с эргативной системой (как чукотско-камчатские и эскимосско-алеутские, а также кавказские и бурушаские на Памире).

На этом основании автор предполагает жизнь протошумеров где-то между Алтаем и Якутией и возможность контактов мигрирующих протошумеров с неолитическими жителями Восточной Европы, обладавшими сельскохозяйственной экономикой. Но для предположения об этих контактах нужны были бы связи шумерского не столько с уральскими и алтайскими, сколько с индоевропейскими языками.